

тали на последнем, пятом этаже: не знаю, что там были за перекрытия, но здание дрожало все насквозь, и во время экспозиции замирал весь этаж. Это потом уже появился более-менее доступный Kodak, появился Polaroid, потом Polaroid рухнул, и пришла цифра — как-то очень быстро все завертелось.

На первых своих форматных камерах я пробовал самые разные материалы, снимал на специальные стеклянные пластины с чувствительностью в доли единиц ГОСТа, так что поставишь камеру утром перед тюремным, откроешь объектив и уходишь на весь день — и только к вечеру экспозиция заканчивалась. Получались иногда интересные картинки.

Когда я открыл для себя, что есть фотографии, непонятно как сделанные, я чуть голову себе не сломал, пытаясь понять, что к чему. Потому что смотришь на нее — явно фотография, а с другой стороны — как же это получается? В то время одна американская фотографиня прочла у нас лекцию о работе с Polaroid, с переносом изображения. Я еще год мучился, пока полароидные материалы не доехали до нашей страны. И я тут же стал пионером в этой области, снимал на разные форматы и разные аппараты Polaroid, от 3 x 4 дюйма до 6 x 10.

Самая прелесть работы с Polaroid — именно в неправильном проявлении, в нарушении режима проявки. Если снимать по правилам, у тебя получается обычная правильная резкая фотография, с правильными цветами. А то, что я делал, — перенос изображения, когда проявка по правилам прерывается в самом начале и носитель с проникшими в него химикатами прикатывается к другой поверхности — хочешь, к газете, хочешь, к майке своей. И тогда появляются дефекты проявки, они-то и делают изображение. За счет потеков, отрывов эмульсии и получают Произведения — они неповторимы. Их потом можно отсканировать и напечатать, но регулировать самое главное — процесс проявки — можно только до известной степени. Она не контролируется визуально, но с опытом уже как-то можно на нее воздействовать, прежде всего за счет температуры. Я брал иногда глянецватель, нагревал в нем бумагу и прикатывал к ней эмульсию. Бумага должна быть влажной, и от степени ее влажности процесс проявки зависит очень сильно. Зависит и от температуры окружающей среды, и от того, насколько старый у тебя материал.

Первые мои Polaroid'ы имели просто удивительные цвета — это был блок листов, не предназначенных для переноса, мне его подарили австрийцы. Обычный Polaroid, который выезжает из камеры, условно говоря, фото для документов. Его даже разрезать

нельзя — там две пластиковые поверхности, между ними химия, и если эти поверхности нарушить, изображение превращается просто в порошок. Вот они мне этот блок подарили, а потом спохватились: ой, камеры-то у тебя, скорее всего, нет. А я достал старую камеру 9 x 12, скотчем приклеил к ней кассету, навел на резкость, вспышку приладил — и все отлично получилось.

Жаль, что Polaroid прекратил производство — у них были удивительные материа-

лы и кроме листов для трансфера. Были специальные 35-мм пленки, которые при проявке давали одновременно позитив и отличный негатив. И все это хорошо хранилось: трансферам моим и по 10, и по 12 лет, а они как новые. Последний свой материал я отснял в прошлом году, сделал серию «Все в дзен».

Как-то раз друзья сделали мне подарок — подарили выставочный зал. Что делать, что вешать? Работы 30 x 40, их обрамлять —